

Клоун в Армии

Кто в армии служил, тот в цирке не смеется.

Армейская шутка.

Вопреки этой «армейской шутке», могу констатировать, что солдаты, очень контактная аудитория. Если они в цирке не смеялись, значит, это был просто плохой цирк. За свою творческую жизнь я отработал для солдат очень много «шефских» представлений. Солдаты приходили в цирк на мою программу, я с клоунскими концертами бывал в воинских частях. Однажды в цирк-шапито на представление пришло человек 40 воинов-десантников. Помимо клоуннад, я с девятилетним сыном Дмитрием (клоуном «Масиком»), работал номер «Акробаты-эксцентрики». В номере у Димы был сольный кусок – он сидел на стул и из этого положения исполнял стойку на руках жимом силой. Для девятилетнего ребенка это был довольно трудный трюк. Зрители улыбались и хлопали в ладоши, а вот группа десантников поднялась и стала аплодировать стоя. Солдаты, ежедневно сталкивающиеся с большими физическими нагрузками, прекрасно поняли, какой тяжелый тренинг прошел этот маленький артист показавший им такой сложный трюк. Так, что солдаты не только благодарная, но и понимающая цирковая аудитория.

Но вернемся к «моей» армии. Мне, человеку, выросшему в цирке, привыкшему к постоянному тренингу и риску, прожившему в студенческом общежитии четыре года, служба в армии не доставила особых хлопот. К тому же я уже «отвоевал» и в гражданскую войну и в Великую отечественную снявшись, как каскадер в нескольких военных фильмах. На киносъёмках я бросал гранаты, стрелял из всякого разного оружия, общался с боевой техникой и ходил в тяжелейшие штыковые атаки с рукопашным боем. Так что и армейские будни были мне знакомы.

Я, до изумления удивил в «карантине» старшину умением наматывать портянки. Он, парень из российской глубинки, никак не мог поверить, что московский артист умеет обращаться с портянками.

В самом начале службы произошла интересная история. С собой в армию я взял несколько фотографий, одна из них была сделана на киносъёмках. На ней я был запечатлен в форме немецкого офицера-гестаповца с «парабеллумом» в руках, у ног которого сидели «русские военнопленные». На фото я был в «возрастном» гриме, так что сразу меня узнать было тяжело. Как-то я показал фото сослуживцам и по части пополз слухок о «фашисткой фотографии». Через несколько дней меня вызвали к «Бате», командиру полка. «Рядовой Артемьев, у Вас есть какая-то интересная фотография? Покажите» - приказал-попросил полковник. Без всяких задних мыслей я подал ему фотографию. Он глянул на фото и как-то нехорошо изменился в лице. «Это Ваш отец?» - вмиг охрипшим голосом задал он вопрос. Вопрос поставил меня в тупик. Причем здесь мой отец и что его так насторожило, мучительно пытался понять я. Наконец до меня дошел ход его мыслей. В «секретные» войска СССР, и не просто в войска, а вверенный ему, бывшему фронтовику, полк, пробрался сын немецкого офицера-гестаповца. «Товарищ полковник мой отец воевал в Советской армии,

был ранен и контужен, имеет правительственные награды, и закончил войну в звании старшины. А на фотографии я, она сделана на съемках известного фильма о войне, где я снимался как артист-каскадер» - бодро доложил я. Полковника понемногу стало «отпускать». «С войны ненавижу немецкую форму. Пусть эта фотография полежит в моем сейфе до твоей демобилизации» - проговорил он. Но скоро полковник ушел в отставку, я в это время был в командировке, так фотография и пропала.

Я любил оружие, я любил опасную работу. Как в любом мужском коллективе в армии царил закон силы. Я этот закон знал и прекрасно его применял, а моя атакующая смелость и хорошо поставленный удар с правой, были всегда со мной. Так, что с проблемой дедовщины я быстро разобрался. А вот состояние неволи ощущалось долго и очень остро. Возникающие приступы тоски я глушил жесткими тренировками. Но я сам выбрал этот путь и на нем я должен быть первым – такую задачу поставил я себе. Маленькие кусочки свободного от службы времени я заполнял творческой работой. Еще в «карантине» с солдатами призывниками я подготовил и показал маленький концерт. А после принятия присяги меня попросили подготовить концерт к большому смотру самодеятельности. В смотре участвовали все полки нашего корпуса. Я занялся режиссерской, педагогической и актерской работой. В результате получился веселый клоунский спектакль, разбавленный танцем, песней, чтением стихов – всем, тем, чем была богата полковая самодеятельность. Я делал несколько реприз, работал акробатический номер и номер жонглирования, причем жонглировал «армейским кухонным реквизитом» - (тарелками, кружками, черпаками и кастрюлями). Заканчивал программу «ударным аттракционом», клоунским антре «Бокс», который подготовил со своим огромным двухметровым сослуживцем. Из штаба корпуса приехала солидная просмотревая комиссия. Зал был забит солдатами, офицерами и членами их семей. Концерт прошел на «ура» и произвел эффект разорвавшейся бомбы. Забегая вперед, скажу, что полк занял первое место «по самодеятельности», первый раз за всю его историю. Один из членов комиссии, капитан Гришин, оказался заместителем начальника Дома офицеров корпуса. Он когда-то окончил училище культуры, так что мы быстро нашли общий язык. В Доме офицеров существовал музыкальный взвод, то есть духовой оркестр, из солдат-срочников, собранных по разным полкам. Оркестром руководил майор в отставке. Капитан же хотел на базе этого оркестра организовать эстрадный ансамбль с хорошей концертной программой. Он предложил мне стать режиссером - постановщиком и ведущим артистом будущего ансамбля. Меня это устраивало. Я не терял творческую форму, и перебирался служить в город Одинцово, а это уже почти Москва. И вот вскоре меня прикомандировали к Дому офицеров корпуса. На своих петлицах я сменил пушки на лиры и стал 13 членом музыкального взвода.

Через пару месяцев из музвзвода я создал «Эстрадно-цирковой ансамбль «Дружба» и подготовил хороший концерт, который шел под «живой» музыкальный аккомпанемент. Наш капитан конферировал концерт и неплохо читал литературно-музыкальную композицию. Теперь музвзвод, к своей обширной и разнообразной музыкальной программе, имел и хороший эстрадно-цирковой концерт на полтора часа. Работы было много. Наш оркестр принимал участие во всех армейских и многих гражданских мероприятиях. Мы играли на утренних разводах и торжественных построениях, принимали участие в парадах

и «тягали жмуров». А ансамбль «Дружба» участвовал во всех смотрах и конкурсах, а также ездил по полкам корпуса с гастролями. Слух о нашем ансамбле распространился по округе. Нас стали приглашать и на гражданские мероприятия, иногда мы делали и «левые» концерты.

«Звучит взволнованная лира».

... Бурными рукоплесканиями встречали зрители клоунады «Ну, погоди!», «Наряд по кухне», «Эликсир правды», «Ложка военная», «Речь Пиночета», «Бокс» в исполнении рядового Бориса Артемьева, бесспорно, талантливого артиста.

Ст. сержант М.Зиборов,
слушатель школы военкоров.
Газета «На боевом посту». 1972г

Во время учений, а учения проходили довольно часто, музвзвод «рассыпался». Мы быстро разъезжались по своим полкам и принимали активное участие в учениях, несли наряды, заступали на боевое дежурство.

Мне были интересны армейские будни, которые были схожи с цирковыми буднями. Армия и цирк, являются копилкой многовекового человеческого опыта по умению жить в экстремальных условиях. И в цирке и в армии существуют очень жесткие методики тренинга. Главная задача, как цирка, так и армии – воспитание сильного, смелого и выносливого человека-победителя.

Как в цирке отдельные артисты, после долгих, трудных и опасных тренировок превращались в надежных партнеров, исполняющих сложный групповой номер, так и в армии обычные люди, после долгих, трудных и опасных тренировок, превращались в солдат, спаянных в единый сильный и грозный «аттракцион» – военную мощь.

Очень крупным минусом оказалось то, что мои войска были очень секретными. Из-за этого меня долго не выпускали на гастроли за границу.